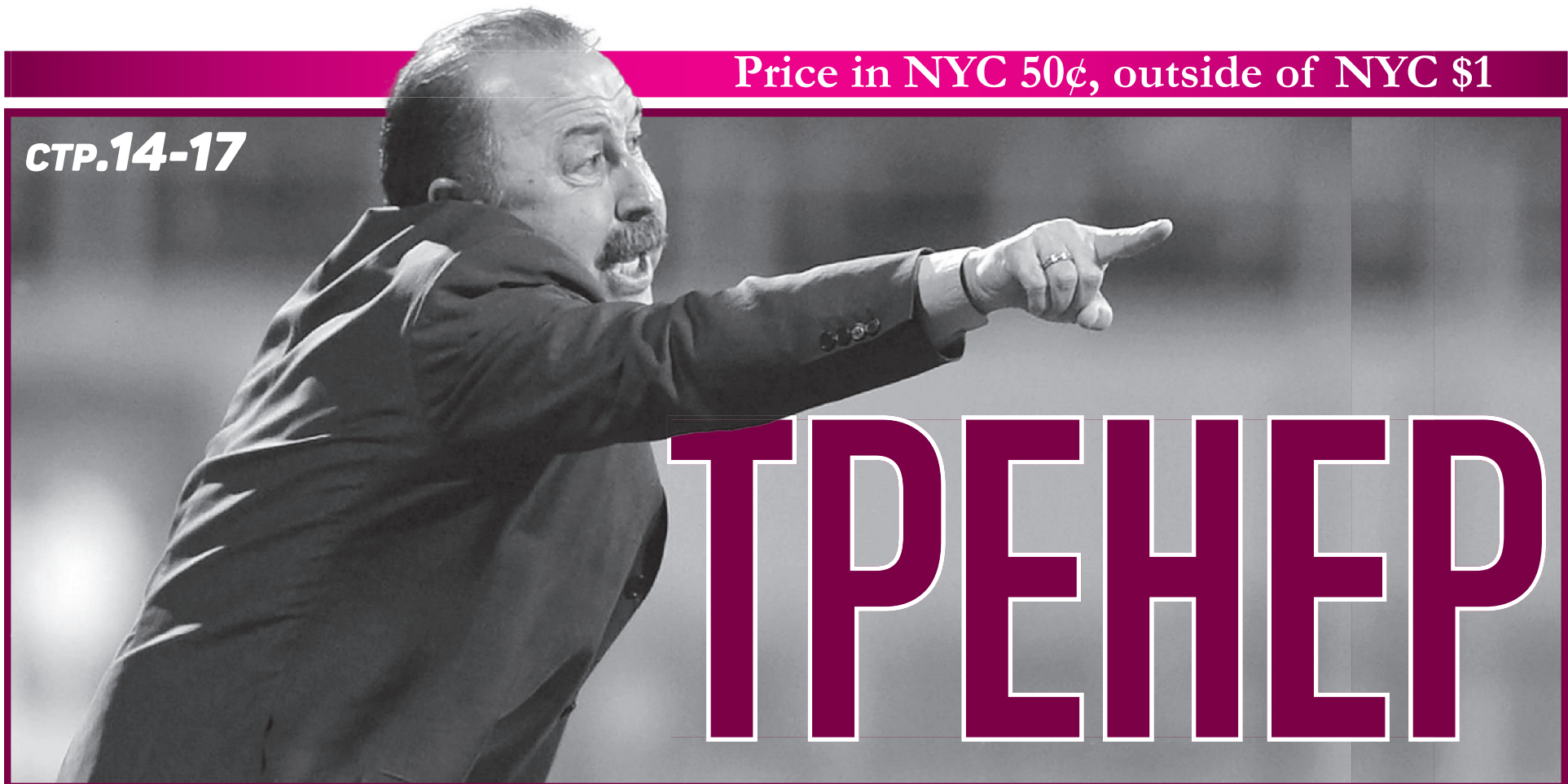

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.14-17

ТРЕНЕР

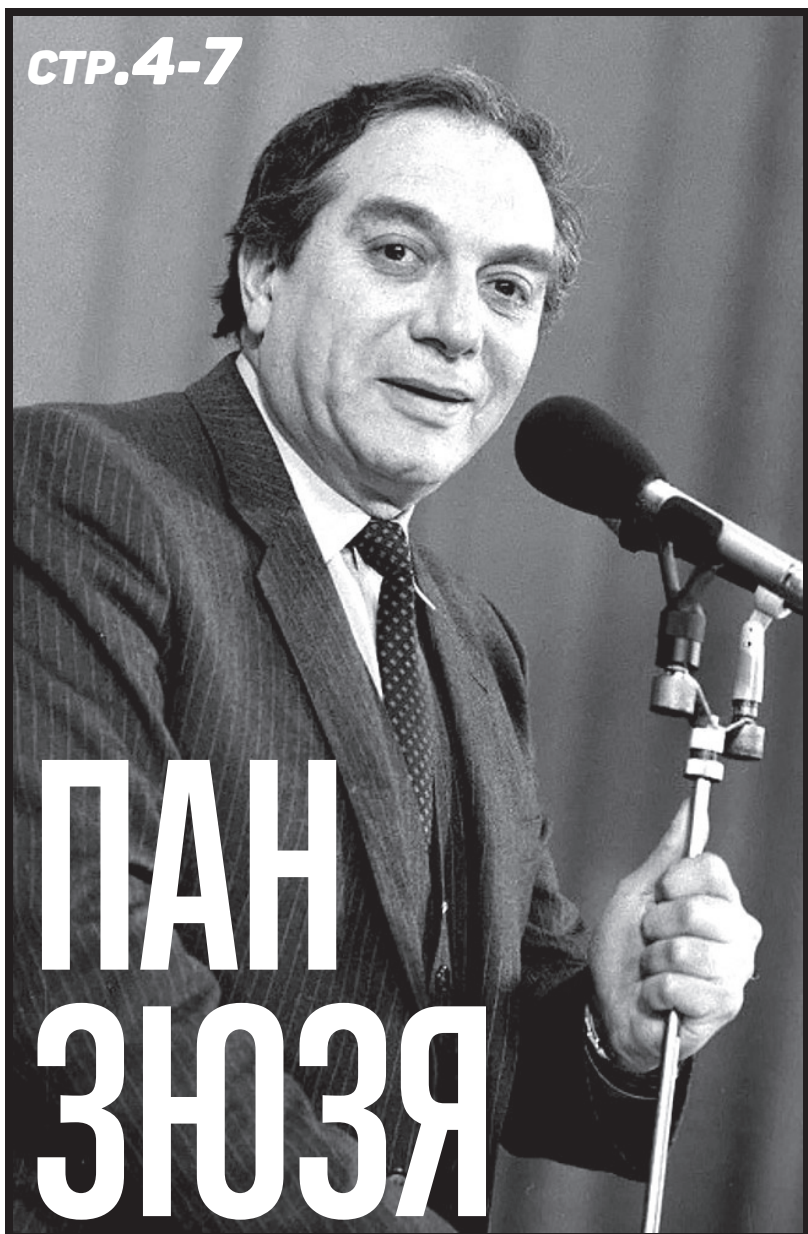
СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№31 (216)
ИЮЛЬ 2024

БУЛЬВАРНЫЕ НОВОСТИ

СТР.4-7

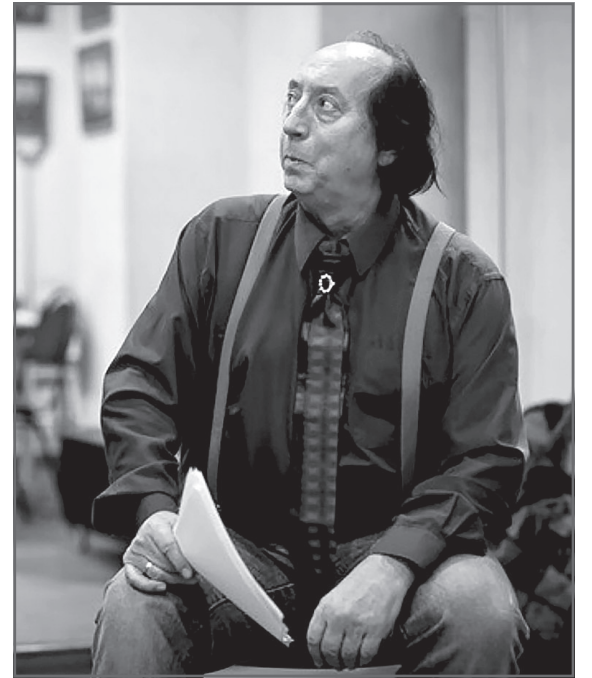
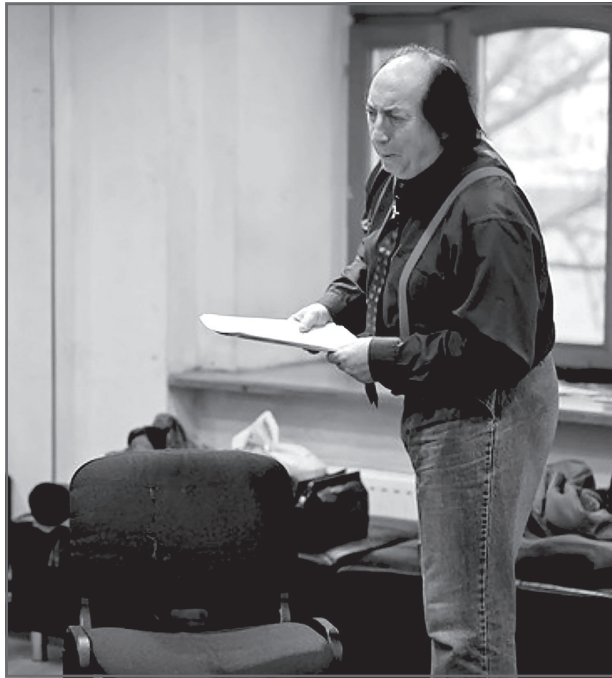

ПАН ЗЮЗЯ

СТР.8-11

Я ПРОДОЛЖАЮСЬ!

Я ПРОДОЛЖАЮСЬ!

Геннадий Норд

Мы вместе с концертами объездили массу городов и поселков. И всегда с ним было весело и интересно.

В свое время его неординарные внешние данные и столь же необычные вокальные произвели неизгладимое впечатление на членов приемной комиссии Гнесинки, и они тут же вынесли вердикт:

- Да это же готовый комик! Принят!

С тех пор актер Евгений Герчаков переиграл множество всевозможных ролей, поменял несколько театров, снялся в десятках фильмов. И не раз, не два, доказал: ему подвластны не только комические роли – он великолепно играет и в драмах, и в трагедиях, и мюзклах.

- Переносить классику на язык мюзикла это определенный риск. Зюскинд, Набоков, Шекспир – я имею в виду спектакль Театра Луны «Лиромания» на музыку Александра Журбина, в котором ты исполняешь главную партию. Что ты думаешь по этому поводу?

- Волков бояться – в лес не ходить. Нужно, конечно, обладать определенной смелостью. И в этом надо разбираться, понимать. Одним словом – надо владеть профессией, и тогда тебе ничего не страшно.

Лично для себя я ставлю театральное искусство сразу после литературы. Шекспира играли по-всякому, и пришло время мюзиклов, или, как у нас это называется, рок-опер.

Поскольку Александр Журбин – человек рискованный, очень своеобразный, хорошо

чувствующий драматургию, он в меньшей степени мелодист, но сильнее чувствует театральную стилистику, ритм. Его волнует подсознательная тема, он умеет это делать. А Шекспир – это ведь драматургия! И все сходится.

Вообще мюзикл, рок-опера предполагают некий уход от самого автора. На мой взгляд, это «фантазия на тему», условность.

Я спектакля не видел, так как сам в нем играю, но по тому, что я вижу в зрительном зале, по тому, как его принимают, по тому, как текут слезы у людей, я понимаю, что попали в яблочко.

- Какие роли тебе больше нравятся, трагические или комические?

- Я комик от природы. Комические роли я исполнял на протяжении двадца-

ти лет. Меня готовили к карьере комика, а я всегда хотел отойти от этого амплуа. Моя первая роль в кино – роль Барана в фильме «Мама». Подумать только: начать с Барана, а теперь играть короля Лира, Фрейда, Парфюмера! Это что-то да значит!

- Расскажи о своей первой роли.

- Мимо меня прошло дикое количество режиссеров – Пазолини. Феллини. Висконти. Де Сика. Это не трогая голливудских. И мне хотелось бы думать, что я актер со своим стилем. Для того чтобы меня снимать нужен человек, который бы это во мне увидел. Не просто:

- О, артист! О, смешной!

Я снимался в фильме «Мама», это был мой первый фильм. И когда меня утвердили, я позвонил маме:

- Мамочка меня пригласили сниматься. - Боже мой, какое счастье! А что за фильм?

- Фильм «Мама», по сказке «Волк и семеро козлят».

- Как прекрасно!

- Это мюзикл...

- Ой, как хорошо! Женя, ты же поешь великолепно. А кто будет играть?

- Коза – Гурченко. Волк – Боярский.

- На козла не соглашайся!

- Мама, мне предложили роль барана.

- Это меняет дело.

- Там снимался Савелий Крамаров.

- Да. В своей последней роли, до отъезда. Ему уже не давали отдельного номера, а ведь он был самый популярный артист. Поэтому мы с ним жили вдвоем. Я тогда про него сочинил, что он бескорыстно любит деньги. Мы шли с ним в магазин. Он часами выбирал костюмы. Потом приходил в отель и начинал их продавать на пять рублей дороже.

Как-то мы сидели в номере. И я ему говорю:

- Ты знаешь, я хочу сыграть драматическую роль.

На что он мне сказал:

- Женя, я всю жизнь хотел сыграть Гамлета. Но ты можешь меня представить на сцене, со словами «Быть или не быть?». Вот и ты – бараном родился, бараном и помрешь.

Меня это поразило. Я забыл об этом, но, когда он умер, вспомнил эту фразу, и понял, что подсознательно всегда боролся с этим амплуа. Меня пихали в эти роли. А мне, внутренне, не хотелось повторения. Никто не хотел заглянуть в меня, и посмотреть, какой я человек. Есть ли там человек, и, что за этим кроется. Поэтому во всех своих ролях прихо-

Первая роль в фильме «Мама»

В фильме «Графиня де Монсоро»

С Валерием Гаркалиным в фильме «Ширли-Мырли»

С Геннадием Нордом

С Геннадием Нордом

дилось искать какое-то новое прочтение, чтобы не повторяться.

- Ты ведь не москвич. А где родился?

- Я родился можно сказать на краю нашей необъятной Родины - в Находке. Папа был морским офицером. Я был предоставлен сам себе. Бегал, гонял, увлекался спортом с очень раннего возраста...

- И как получилось, что ты стал актером? Мечтал об этом?

- Нет, я думал, что буду спортсменом. Потому, что даже тогда, когда мы переехали в Севастополь - отца перевели на Черноморский флот - я продолжал играть в футбол, был, можно сказать, профессиональным футболистом - даже зарплату получал.

Но мама моя была актрисой и очень хотела, чтобы я стал актером. Она считала, что у меня талант к перевоплощениям. А я тогда даже не понимал, что такое быть актером, так, дурачился больше. Так и получилось, что мама настаивала, папа говорил:

- Не верю!

Но победила, как всегда, женщина, и я поехал в Москву. При этом, совершенно не стремясь поступить, совсем не волновался, прочитал монолог Остапа Бендера и еще стихи «Желаю славы я...». И спел песню.

Мама меня перед отъездом наставляла:

- Когда будешь выступать, выбери человека посolidнее, председателя жюри, подойди к нему, и пой, смотря прямо ему в глаза.

Вижу, с краю, справа, сидит солидный человек с седыми волосами. Я подумал, что это председатель и есть. Я подошел к нему, и низким голосом запел: «Опустела без тебя земля...». Смотрю, он стал медленно уходить под стол, в аудитории хохот.

А это, оказывается, был пожарник, который зашел просто о чем-то спросить. Было похоже на то, что я с ним прощаюсь. Народ хохочет, и я слышу голоса членов комиссии:

- Комик, комик...

Вот, примерно, так я и поступил.

- Во время обучения очень важна persona педагога. Кто был твоим учителем?

- Мне повезло с мастером. Это был советский оперный режиссёр и театраль- ный педагог, народный артист СССР Лев Дмитриевич Михайлов. Он был очень талантливый педагогом, видел и понимал нас и, кажется, умел все.

У нас на курсе был парень с Украины, очень фактурный, сильный, мощный, но с жутким акцентом, и его вообще не хотели брать, но Михайлов увидел его потенциал и настоя- л, чтобы его взяли. И не ошибся.

На экзамене мы делали классические спектакли в стихах и, вот, начинается его отрывок. Объявляют:

- Сцена у фонтана. «Борис Годунов». Самозванец – Красюк, Марина Мнишек – Богомолова.

Что-то долго занавес не открывают, а когда подняли, мы видим: фонтан не- большой из папье-маше. Мальчик-ан- гелочек, струя из него льется. В туалет шланг идет черный. Товарищ мой вы- ходит весь в драгоценных камнях. Взял где-то напрокат костюм. И говорит:

- От и фонтан. Вона сюды приде.

Все хохотали, и он получил пятерку.

- Куда ты попал после института?

- Работал какое-то время в театре оперетты, но мне нужно было отслужить в армии. Тогда с этим строго было, и мне предложили служить срочную службу в Театре Советской Армии. Надо сказать там в то время был такой звездный состав актеров: Меньшиков, Домогаров и ещё очень много других.

А в театре оперетты меня ждали. И, когда я закончил срочную службу, я туда и вернулся. Я же музыкальный был па- рень. Андрей Алексеевич Попов, режис- сер театра Армии меня не удерживал. Но, сказал:

- Женя, ты вернешься. Ты не сможешь работать в оперетте.

- Почему? - спросил я.

- Ты просто не сможешь петь постоянно «Без женщин жить нельзя на свете, нет...»

Я до сих пор думаю, что опереточным артистом надо родиться, я знаю многих прекрасных артистов оперетты. Я дру- жил с Татьяной Шмыгой - уникальная актриса. Но для себя я решил, что всю жизнь петь оперетту мне действительно противопоказано. В результате, я вер- нулся, и Андрей Алексеевич меня взял назад.

Десять лет я прослужил в Театре Со- ветской Армии - это достаточный срок, чтобы сказать: это большая школа жиз- ни. В те годы это было отдельное госу- дарство, со своей богатой историей - как театра, так и самого здания. Там во вре- мя войны был штаб с подземной дорогой в Кремль, о которой многие даже не по- дозревают.

- Ты интересуешься политикой?

- Я аполитичный человек. Меня по разнарядке попытались принять в партию в театре. Отправили на комис- сию. И в этот момент Израиль с Египтом что-то не поделили. А в то время, все, кто вступал в партию или в комсомол, долж- ны были знать текущие политические моменты, которые происходили не толь- ко в стране, но и мире. Ну, вот захожу я в зал, где проходит эта самая комиссия, где должны решить мою судьбу - досто- ин или недостойн я стать членом КПСС. Комиссия - все, как один, в черных пид- жаках - меня спрашивает:

- Скажите, а где сейчас находится Ан- вар Садат?

А я даже не знаю, кто это такой. Тогда говорю:

- Вы знаете, мне настолько этот чело- век неприятен, что я даже не хочу знать, где он.

Они все попадали. И сказали:

- Вы не готовы. Это президент Египта.

Я сказал «спасибо» и вышел. Это меня и спасло.

- Десять лет в театре Советской ар- мии прошли, а что же было дальше?

- А дальше был театр «Эрмитаж». Там работал Михаил Левитин., он ставил в театре Советской Армии спектакль, в котором я играл одну из главных ролей. Уйдя в Эрмитаж, Михаил позвал меня

В образе Сальвадора Дали на сцене Театра Луны

С Леонидом Ярмольником в фильме «Трудно быть Богом»

В фильме «Стару-Ха-армса»

Окончание на с. 10

С Михаилом Галустьяном, Мариной Федункив и Еленой Валюшкиной в фильме «Бабушка легкого поведения - 2»

Окончание. Начало на с.9

с собой. Я сыграл там в одном из самых ярких спектаклей того времени «Школа клоунов» по Хармсу. Там была очень сильная команда - Люба Полещук. Карцев и Ильченко...

Природа Хармса потрясающая. Он — уникальный человек. Я потом сыграл «Старуху» Хармса, главную женскую роль в фильме «Старуха», за которую на фестивале «Киношок» получил приз за лучшую женскую роль.

- Ты ведь еще и в Швейцарии работал?

- Это был 92-ой год. После гастролей «Эрмитажа» в Женеве меня одного из всей труппы пригласили работать на проекте по Зигмунду Фрейду. Это был Муниципальный театр Женевы «Де Каруж». Главным режиссером там был поляк: он хорошо понимал меня, а я - его.

Я играл Фрейда. Точнее, его Душу. Пел на идише, так как Фрейд был евреем. Контракт я отработал и вернулся.

Швейцарцы просто потрясающие люди: приходят на спектакль, на пятой минуте все засыпают, но ровно через два часа:

- Bravo! Bravo!

У меня была там смешная история. Я не знал языка, знал только одно слово, которое означает «дерьмо». Репетируем два месяца. И, вот премьера. Спектакль начинается с моего монолога. Я жду за кулисами, ко мне подходит человек и говорит, так, весело, похлопав меня по плечу:

- Дерьмо!

Ну, я подумал, может, пошутил. Но потом еще несколько человек, проходя мимо меня, бросали мне: «дерьмо, дерьмо!». Все исполнители подошли и сказали, что я - дерьмо. Последний был пожарник в каске...

И я с таким настроением начал играть. Думаю: «Боже мой, они сказали мне всю правду». Я так и играл на преодолении. Успех был очень большой.

Я подхожу к этому поляку на банкете и спрашиваю у него, почему все считают, что я - дерьмо? А он сказал:

- Ты не понимаешь. У нас это вместо «ни пуха, ни пера...».

- Ты много снимаешься в сериалах. Какие запомнились?

- «Петр Лещенко». Я там играл того, кто его покупает. Я бы сам сыграл Петра Лещенко. Но по фильму есть часть, когда он молодой. Нужно было бы найти актёра помладше, но похожего на меня. Ну, извини, дружок, где же ты такого найдешь? И тогда выбрали Хабенского. А Ваня Стебунов играет Лещенко в молодости. Они - как один человек. А я играю богатого румына.

Еще вместе с тобой снимался в «Однажды в милиции». В нём я играл очень

смешного, трогательного «главного психолога Москвы».

- Ты как-то сказал: «лучшее, что со мной было в кино, это работа над фильмом «Трудно быть богом»».

- Не прошло и 50 лет. Когда меня позвали, я был просто в эйфории. Приезжаю, на меня смотрит полный мужчина, с такими глубокими глазами, как будто он 300 лет живет. А вот лицо его совсем детское. Он мне говорит:

- Евгений, я вас никогда и нигде не видел. В театр я не хожу, кино смотрю только свое. Мне просто понравилась ваша морда.

На что я сказал:

- А мне - ваша.

Вот так и прошли пробы.

- Ты служишь в Театре Луны...

- Уже много лет. Но я часто меняю «место прописки» - хочется избежать штампов. И меня спасает то, что я не только актер, но и режиссер. Я сам поставил уже три спектакля, один из которых, кстати, на еврейскую тему - «Путешествие Вениамина III» по роману Менделеева Мойшер-Сфорима, одного из основоположников литературы на идише, предтечи Шолом-Алейхема. Когда-то, в 30-е годы, спектакль по этому произведению поставил Соломон Михоэлс. И сам он, будучи главным режиссером Государственного еврейского театра, играл Вениамина III. Спектакль музыкальный, поскольку я музыкатор по природе. Мы его сыграли в Москве раз пятьдесят, и имели большой успех. Сюжет же этого произведения очень прост: некий еврейский человек по имени Вениамин, живущий в каком-то местечке, начитавшись книжек,

решил найти Землю Обетованную. И вот, ночью, боясь проклятия жены, он убегает из этого местечка, прихватив с собой своего «Санчо Пансу». Они ее, конечно, не найдут и вернуться домой. А вся суть спектакля в том, что они идут, поют и философствуют.

После успеха этого спектакля я даже хотел открыть свой театр. Но с одним спектаклем, да еще и на еврейскую тему, театр, как выяснилось, не откроешь! А спектакль продолжали смотреть. Причем, публика была абсолютно любящая - любой религиозной принадлежности и жизненного восприятия. А все потому, что в спектакле не было ни шовинизма, ни национализма, он был плодом музыкальной еврейской культуры. Пели, кстати, все на иврите.

Потом я поставил спектакль «Энергичные люди» по Шукшину, он идет до сих пор. Я играю там главную роль.

А еще идет «Фрейд» - мой третий большой спектакль.

- Расскажи подробнее о своих родителях.

- Это очень хорошая тема! Моя мама, провинциальная актриса, познакомилась с отцом во Владивостоке. Отец был молодым младшим лейтенантом и одновременно музыкантом.

- А откуда на Дальнем Востоке евреи?

- Ну, сажали во времена Дальстроя, и кто-то там оставался. Туда попадали разные люди - и по национальной принадлежности, и по политическим взглядам. Мой папа - греческий еврей. Мама - наполовину грузинка и наполовину русская. И я думаю, что чем причудливее

сочетание кровей, тем человек мощнее и ярче.

- Но чувствуешь ты себя евреем?

- Да.

- Почему?

- Не знаю. Просто чувствую. Иногда я даже говорю: «У меня четыре крови, и все еврейские».

А мама окончила училище при владивостокском театре.

- Скажи, что должно быть в сценарии фильма или сериала, чтобы ты согласился в нем играть?

- Должны быть начало, фабула и конец, и обязательно хотя бы некий катарсис в концовке. А если ничего этого нет, то не за что зацепиться.

Я люблю экспериментировать - быть не самим собой, примерять на себя чью-то шкуру, поэтому в юности сыграл много всякой ерунды. Хотя не могу сказать, что все эти проходные и не очень роли были незаметными.

Например, в фильме «Ширли-Мерли» я играл директора оркестра, которому я придумал повязку на глаз. Получился очень яркий и запоминающийся персонаж. А в картине «Что сказал покойник?» я играю палача Гвидо - его люди тоже запомнили.

- У создателей фильма «Мама» никогда не возникало идеи снять продолжение?

- Да, такого успеха никто не ждал. Я вообще думал, что это абсолютно никому не будет интересно, а вышло наоборот - картину смотрят до сих пор. Вообще, сейчас я смотрю на нее совершенно другими глазами.

- А грим Барана долго делали?

- Наверное, часа два. Режиссер фильма, румынка Элизабет Бостан, очень красивая и элегантная женщина, правда, сейчас она находится уже в очень преклонном возрасте, когда я впервые вошел к ней в кабинет, сказала:

- О, Баран!

Так я получил эту роль, хотя в сценарии ее не было. Вообще хорошая идея - сделать продолжение «Мамы»!

- Как ты относишься к Герману? Ты ведь у него много лет снимался в одной роли.

- Это только Герман может себе такое позволить - снимать годами! Как это объяснить? Это нонсенс! Съемки, конечно, были просто уникальными. Мы снимали в старинных чешских замках. Герман - режиссер величайший. С ним очень тяжело работать, он ставит почти невыполнимые задачи.

Если ты спросишь его, кто ему нравится из артистов, то он наберет человека два! Я сказал ему:

- Ну, я-то, наверное, даже и не надеюсь войти в число этих двоих.

Он ответил, смеясь:

- Вот вы, как раз, один из них!

Автограф-сессия в городе Ленске

С супругой Оксаной, сыновьями Егором и Львом, дочкой Ольгой, внуками Яной и Даниэлем и невесткой Ириной

Впервые я столкнулся с Германом, когда он должен был снимать Александра Абдулова в фильме «Хрусталева, машину!» Главную роль, правда, сыграл Юрий Цурило. Это было поразительно - Герман отказал самому Абдулову. Утвердил - и отказал! Все потому, что у Германа свой взгляд на актерское присутствие в кадре. Не надо что-то играть, надо быть собой. Быть каким-то сумасшедшим, и в то же время не играть ничего.

Картина «Трудно быть Богом» научила меня многому. Все мои последующие работы были совершенно на другом актерском уровне.

- Кого еще ты бы хотел сыграть?

- Не знаю. В последние годы я вышел, как уже и говорил, на целую цепь трагических ролей. Я сыграл Эдипа, а это великая трагическая роль. Дали, Парфюмер... Если честно, то пора бы сыграть самого себя!

- Евгений Герчаков в роли Евгения Герчакова?

- Да. У каждого человека особый путь. Сыграв так много характерных ролей, когда я играл некую маску, забывая, кто я на самом деле, я все дальше уходил, отдалялся от самого себя. И путь мой в искусстве можно определить как путь к самому себе. А это самое интересное. Человек рождается для того, чтобы познать себя. Познавая мир, ты познаешь самого себя. Это очень сложно. И в жизни это очень трудно понять. А на сцене - тем более, потому что ты в шкуре другого человека.

И когда я говорю, что хотел бы сыграть самого себя, то это не шутка! То есть ничего не играть вообще, просто быть самим собой.

- Какую роль в твоей жизни играет случай?

- Если честно, то очень большую. Случай многое решает в жизни. Но не бывает такого, чтобы ах - и произошло! Это все чем-то предначертано. Там, в подсознании. Все это закладывается в детстве, как говорил Фрейд.

- Стало быть, в судьбу ты веришь?

- Конечно. Но у каждого она идет по своей спирали. Я сам никогда не думал, что у меня будет трое детей. Я об этом даже и не мечтал. Я не мечтал и об одном, а у меня трое.

- Старшие дети пошли по твоим стопам?

- Дочка - актриса, Герчакова Оля. А сын - юрист.

- Каким ты видишь будущее театра?

- Мне кажется, будут существовать абсолютно разные театральные направления. Сейчас у нас в искусстве царит страшная анархия, а это и хорошо, и плохо. Развязали руки, и вот вам: там только матом говорят, там только голыми бегают, там еще что-то. Когда режиссер хочет, чтобы было «не как у других», то из этого выходит, как правило, белиберда. Лично я считаю, что все зависит от того, для чего ты ставишь спектакль, от его смысла.

- Ты не думал какие-то моноспектакли играть со своими историями?

- Да, так иногда бывает. Я могу очень долго работать на публику и держать ее. Часа два совершенно спокойно. И петь, и рассказывать, и люди будут смеяться, а, иногда, и плакать. И у меня есть такие программы. Одна из них называется, «Я расскажу мою историю Любви».

- Ты театральный артист, киноактер. А кто еще?

- Ну, ты-то знаешь: я пою, пою свои роли. Я пою мюзикл в Театре Луны, который написал специально для меня ком-

позитором Журбиным. «Губы» по Набокову. И «Короля Лиры». Идут они уже много лет. Есть концерты, которые я пою, не так часто, но мощно. Я считаю, что наступит период, когда количество должно переходить в качество. И тут уже неважно, количество ролей. А важно как эти роли звучат, как они принимаются зрителем. Еще у меня есть сольные концерты и номера в концертах и программах.

- Жители глубинки, к сожалению, мало знают твои театральные работы, и нередко воспринимают тебя по эпизодическим ролям. Тебя это не обижает?

- Вот тебе реальная история. Несколько лет назад я прилетел в Тбилиси, где в Государственном академическом русском драматическом театре имени Грибоедова был запланирован сольный концерт. А ехали мы компанией, в которой среди прочих был Борис Грачевский и один очень известный писатель. Его на границе спрашивают:

- Вы давно были в Абхазии?

Писатель вопросом на вопрос:

- А где это?

Его тормозят:

- Пройдите, пожалуйста, в комнату, а паспорт побудет пока у меня.

И Грачевского ловят ровно на том же самом, и препровождают в комнату. В итоге обоих в Тбилиси не пустили.

А я незадолго до этого побывал в Абхазии. Думаю, ну всё, накрылся мой сольник. Девушка - пограничник берет паспорт, смотрит на меня, потом на паспорт, на меня, на паспорт и выдает:

- «Ширли-мырли», проходи!»

Кстати, у Владимира Меньшова я выпросил крохотную роль арфистки. Меня загримировали, я выхожу, сажусь возле этого чудесного инструмента, дотрагиваюсь до струн и вдруг слышу:

- Из какой филармонии эта...а?

Всё, я победил!

- Ты можешь сказать, что твоя жизнь состоялась, что все в ней удалось? Ты счастлив?

- Да, могу, но постоянно счастливым быть невозможно. В жизни происходит много всего. Нам приходится терять своих близких, болеть, встречаться с самыми неприглядными сторонами нашей жизни - ложью, неискренностью, наконец, предательством, но в то же время быть счастливым от мысли, что у меня есть любимая работа и у меня есть мой тыл - моя семья, моя жена, мои дети. Значит, я продолжаюсь и, значит, все было не зря!

